

## А. В. ЖИГУЛИН И Б. Ш. ОКУДЖАВА: ТВОРЧЕСКИЕ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЯЗИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ)

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 марта 2020 г.

**Аннотация:** в статье анализируются дневниковые записи Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000) о его творческих и личных отношениях с Булатом Шалвовичем Окуджавой (1924–1997).

**Ключевые слова:** Жигулин, Окуджава, дневник, история отечественной литературы и журналистики.

**Abstract:** the article analyzes the diary entries of Anatoly Vladimirovich Zhigulin (1930–2000) about his creative and personal relations with Bulat Shalvovich Okudzhava (1924–1997).

**Keywords:** Zhigulin, Okudzhava, diary, history of Russian literature and journalism.

1 января 2020 г. исполнилось 90 лет со дня рождения известного поэта, прозаика, узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края Анатолия Владимировича Жигулина. Юбилей — прекрасный повод еще раз обратиться к материалам писательского архива, которые хранятся в Воронежском областном литературном музее им. И. С. Никитина, и открыть новые, неизвестные до настоящего времени страницы творческой и жизненной биографии человека, вошедшего в историю отечественной словесности в качестве одного из ярких представителей «оттепельной» литературы.

Одной из таких страниц является тема творческих и личных отношений А. В. Жигулина и Б. Ш. Окуджавы.

Известный поэт, бард, прозаик, сценарист и композитор Булат Шалвович Окуджава (1924–1997) был, пожалуй, одной из самых узнаваемых и авторитетных фигур отечественной культуры второй половины XX в. Менялись эпохи, политические режимы, но его популярность в нашей стране оставалась на чрезвычайно высоком уровне и во времена хрущевской оттепели, и брежневского застоя, и горбачевской перестройки, и ельцинского периода «строительства новой России».

Без преувеличения можно сказать, что с самого начала личные и творческие отношения А. В. Жигулина и Б. Ш. Окуджавы были «обречены» на успех и настоящую дружбу.

Во-первых, их объединяла очевидная схожесть непростых и изломанных судеб. Оба на себе испытали тяжкий груз политических репрессий. Жигулин как «враг народа» пять лет провел в исправительно-трудовых учреждениях в Сибири и на Колыме. Окуджава в подростковом возрасте остался без родителей и ближайших родственников, одни из которых были

расстреляны, другие отправлены в лагеря. Тема трагического прошлого красной линией прошла через творчество обоих писателей.

Во-вторых, во многом идентичными были их взгляды на жизнь и литературу. Оба причисляли себя к поколению шестидесятников, то есть тех людей, мировоззрение и творчество которых развивалось во время Великой Отечественной войны, тоталитарного режима, оттепели.

В-третьих, оба были профессиональными писателями, то есть жили исключительно за счет литературного труда. Попробовав себя непродолжительное время в работе по найму (Окуджава — в редакции «Литературной газеты» и издательстве «Молодая гвардия», Жигулин — в той же «Литературке» и журнале «Дружба народов»), они предпочли уволиться и целиком посвятить себя творчеству.

Как свидетельствуют дневниковые записи А. В. Жигулина, они познакомились в Ленинграде в ноябре 1963 г. 30 октября А. Жигулин прибыл в северную столицу в составе делегации московских писателей вместе с В. Цыбиным, Н. Панченко, А. Поперечным, О. Дмитриевым, А. Заурихом. Творческая командировка продлилась до 5 ноября.

По семейным обстоятельствам Б. Ш. Окуджава в это время жил в Ленинграде.

А. В. Жигулин пишет:

«2 ноября 1963 года, суббота.

...Последнее (третье нынче) выступление закончилось только что. Читали в зале, в театральном зале Государственного Эрмитажа. Было человек 250. Я впервые выдал почти весь колымский цикл вот в таком порядке: «Москва», «Вина», «Работа», «Кострожоги», «Сны», «Бурундук». А впрочем, не весь, шесть стихов всего. Успех был огромный, небывалый, потрясающий! Честное слово!.. В перерыве подходили молодые поэты, пожимали руки. Булат Окуджава по-

читил меня своим вниманием, похвалил стихи, сказал, что мне рассказы надо писать».

После того как Б. Ш. Окуджава вернулся в Москву, они стали регулярно встречаться на различных творческих вечерах, писательских собраниях, в Центральном доме литераторов.

В дневнике Жигулина нашел отражение судебный процесс по делу новомирского критика А. Синявского и писателя Ю. Даниэля, положивший начало самоотверженным попыткам демократически настроенной интеллигенции оказать влияние на власть.

Суд над А. Синявским и Ю. Даниэлем проходил с 10 по 14 февраля 1966 г. в здании Московского областного суда. Писателей обвинили в создании и передаче для напечатания за границей произведений, «порочащих советский государственный и общественный строй». Синявский был приговорен к 7 годам лишения свободы по статье 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда». Даниэль был осужден на 5 лет лагерей по той же статье. Виновными себя оба писателя не признали.

В письме в адрес президиума Верховного Совета СССР, президиума Верховного Совета РСФСР и президиума XXIII съезда КПСС, проходившего в Москве с 29 марта по 8 апреля 1966 г., в частности, говорилось: «Синявский и Даниэль — люди талантливые, и им должна быть предоставлена возможность исправить совершенные ими политические просчеты и бестактности. Будучи взяты на поруки, Синявский и Даниэль скорее бы осознали ошибки, которые допустили, и в контакте с советской общественностью сумели бы создать новые произведения, художественная и идейная ценность которых искупит вред, причиненный их промахами».

Обращение подписали: К. Чуковский, Л. Чуковская, В. Шаламов, Л. Аннинский, П. Антокольский, Б. Ахмадулина, В. Берестов, З. Богуславская, В. Войнович, Ю. Домбровский, Е. Дорош, Л. Кабо, В. Каверин, Ю. Левитанский, Л. Левицкий, А. Жигулин, О. Михайлов, Ю. Мориц, Ю. Нагибин, В. Огнев, Б. Окуджава, Р. Орлова, Н. Панченко, С. Рассадин, Д. Самойлов, Б. Сарнов, Ф. Светов, Л. Славин, А. Тарковский, А. Турков, М. Шатров, В. Шкловский, И. Эренбург.

А. В. Жигулин под давлением инструктора Отдела культуры ЦК КПСС Л. И. Лавлинского, с которым он находился в приятельских отношениях, был вынужден отказаться от своей подписи.

Запись в дневнике: «6-го мая <...> я подписал, точнее — написал под диктовку Л. Лавлинского письмо-отказ от подписи под письмом о взятии на поруки Синявского и Даниэля. <...> Пугал меня Лавлинский люто. Начинать с совести, с Ленина. И переходил к прозе: издавать не будут, на работу не возьмут ни меня, ни Ирину (супруга поэта И. В. Жигулина. — В. К.). И за границу, мол, хотели тебя послать, а ты... А у меня должна быть 10-го верстка. Цензура... Что касается заграницы, то вопрос этот сразу отпал. Я ска-

зал, что мне туда ехать не в чем — нет ни ботинок, ни костюма...»

Следует сказать, что о проявленной слабости Жигулин сожалел всю дальнейшую жизнь. Но исправить ничего уже было нельзя.

Аналогичному давлению подвергся и Б. Ш. Окуджава.

На протяжении ряда лет А. В. Жигулин входил в состав партбюро творческого объединения поэтов Московского отделения СП СССР. И это обстоятельство объясняет характер многих записей в его дневнике.

*«25 мая 1966 года, среда.»*

В 16.00 было партбюро. Было сносно, но пошло-вато. Б. Окуджава говорил о мотивах, по которым он подписал письмо, хорошо. Я сказал, что присоединяюсь к Булату. Мотивы те же, с тою лишь разницей, что я сам сидел пять лет в лагере, знаю, как это плохо. Литература — особая сфера деятельности человека, и тут нельзя рубить с плеча, карать жестоко. Ведь и в <19>49-м году (я так сказал) меня, например, арестовали, в частности, за стихи. Но оказалось, что в них не было состава преступления.

А вообще было далеко не хорошо. Когда меня спросили... Впрочем, к черту это описание!...»

В «застойные» годы Б. Окуджава открыто поддерживал А. И. Солженицына, за что не раз подвергался гонениям со стороны властей. О сложной обстановке тех лет, о том, как партийно-государственная система ломала души писателей, заставляя их отрекаться от «пророка в своем Отечестве», свидетельствует эпизод, запечатленный в дневнике А. В. Жигулина.

*«3 апреля 1971 года, суббота.»*

Вчера, 2 апреля, был на партбюро секции поэтов. Обсуждали персональное дело Булата Окуджавы. Вся суть его очень несложна: выступая в Молдавии от «Дружбы народов», Булат в ответ на записку: «Достоин ли Солженицын Нобелевской премии?» — ответил: «Достоин».

Я шел на партбюро с твердым решением защищать Булата. Но его уже, видно, крепко пробрали журнальные боссы: Лавлинский, Баруздин... Короче, вопреки моим ожиданиям, Булат признал, что совершил ошибку, сожалел и т.д. Я попытался помочь ему, ухватившись за его мысль, что речь шла все-таки о Нобелевской премии, а не о Ленинской, скажем. Нобелевская премия, мол, — премия буржуазная. Шведских академиков наша пресса ругала. Премия, стало быть, чужая, нехорошая? Солженицын, стало быть, вполне достоин этой поганой премии... Такая, мол, вероятно, логика внутренняя была у Окуджавы, когда он отвечал на вопрос. И в этом случае криминала никакого нет. И вообще, кто такой Боцу? Не первая уже телега приходит из Молдавии.

<...> В общем, Булату почти сошло — поставили на вид. Разумневич (секретарь партийного бюро. — В. К.) только бесновался, строгача требовал. После бюро было ощущение, словно в говне искупался. И все были гадки: кто тупостью, кто лицемерием...

И сам себе до сих пор гадок: ведь, по-честному-то, по-человечески действуя, не надо было мне прибегать для оправдания Булата к формальной, логической уловке. Надо было сказать:

— Друзья! Да вы что, с ума посходили, что ли? Солженицын великий писатель! И зря ты, Булат, вину признаешь! Достоин Солженицын Нобелевской премии! Правильно ты сказал в Молдавии! И я сейчас с тобой повторю: конечно, достоин! Зачем ломать эту дурацкую комедию?

Вот такие дела!».

Еще одна запись посвящена актуальной на тот момент проблеме публикации художественных произведений Б. Окуджавы в «тамиздате». Популярность поэта на Западе крайне негативно воспринималась официальной властью и ортодоксальным руководством Союза писателей СССР.

«30 марта 1972 года, четверг.

<...> ЦДЛ. Партбюро. Разговор о Булате Окуджаве. Его часто печатает антисоветский журнал «Грани», а в 1970 г. в белогвардейском издательстве «Посев» вышел его двухтомник. Булата самого не было. Решили вызвать его для беседы. Я говорил, что не вижу криминала — ведь Булат сам не посылал эти произведения».

На следующем заседании партбюро было принято компромиссное предложение Жигулина: «проштрафившегося» Окуджаву обязать выступить с осуждением издательства либо на общем партсобрании, либо в печати.

В конце 1970-х гг. А. В. Жигулин и Б. Ш. Окуджава по линии Союза писателей получили квартиры в новом комфортабельном доме в Безбожном переулке и, к радости обоих, стали соседями. Следует сказать, что оба писателя не признавали название своего переулка, полученное в далеком 1924 г. в рамках антирелигиозной кампании. И были искренне рады, когда в 1992-м усилиями местных жителей переулку было возвращено прежнее название — Протопоповский.

Несмотря на все достоинства, этот дом не стал родным и близким для Б. Ш. Окуджавы. Сменив за свою жизнь несколько московских адресов, своим настоящим домом он всегда считал Арбат, что и запечатлел в стихах:

Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант.  
В Безбожном переулке хиреет мой талант.  
Кругом чужие лица, враждебные места.  
Хоть сауна напротив, да фауна не та...

26 октября 1975 г. А. В. Жигулин и Б. Ш. Окуджава приняли участие в творческом вечере поэта-пародиста и своего товарища Александра Иванова. Вернувшись поздно ночью домой, Жигулин садится за стол.

«Собираюсь описать вечер Иванова в ЦДЛ, но никаких сил нет. Боже мой! Великий Господь наш, Царь Небесный! Что же мне делать: жить или писать дневник? Много лет, много сил уходит на эти ежедневные записи. Стихи писать некогда...»

Пороптив на судьбу, А. В. Жигулин делает краткие, но содержательные записи о прошедшем вечере.

«Булат постарел, устал, плохо видит. Белла живее, веселее, но вблизи — померкшее, поблекшее лицо. Но глаза выручают, молодят. И Булату, и Белле подарил «Полынный ветер». Булат хотел мне подарить свою книгу, но мы потерялись, растерялись в суете. Теперь (чтоб короче) — список лиц, тех, кто поздравил меня (с удачным выступлением на творческом вечере. — В. К.). Впрочем, списком все-таки нельзя. Булат:

— Ты знаешь, который раз я слушаю эти твои стихи и каждый раз они меня трогают до слез. Удивительные стихи!

— Это «Кострожоги»?

— Они и другие ...».

2 августа 1980 г. А. В. Жигулин закончил работу над стихотворением «Палестина» («Отдам еврею крест нательный...»). В нем нашли отражение трагические события, произошедшие в нашей стране в начале XX в., и личный жизненный опыт самого писателя. Стихотворению предшествует эпиграф: «Во время шкурских погромов в Воронеже семья Раевских прятала в своем доме еврейских детей. Надевали им на шею крестики: крещеных бандиты не трогали. Из рассказа моей матери Е. М. Раевской».

Отдам еврею крест нательный,  
Спасу его от злых людей...  
Я сам в печали беспредельной  
Такой же бедный иудей.

Судьбою с детства не лелеем  
За неизвестные грехи,  
Я мог бы вправду быть евреем,  
Я мог бы так писать стихи...

Одним из первых слушателей этих стихов стал Б. Ш. Окуджава.

«6–VIII-80 г., среда.

<...> Неожиданно позвонил Булат. Он вернулся из Коктебеля, хотел узнать новости. А какие я знаю новости?.. Булат переживает смерть В. Высоцкого. Хотел, дескать, написать стихи на его смерть, но «лезет всякая банальщина». Спросил, работаю ли я, пишется ли. Я сказал, что написал несколько стихов, могу прочесть одно. Прочел ему стихотворение «Отдам еврею крест нательный...»

Он был потрясен:

— Замечательно! Просто замечательно! Удивительные, великолепные стихи! Не ожидал!..

— А почему не ожидал? Чего?

— Не ожидал такого поворота. Молодец!..»

«Нынче 21–IX-80 г., воскресенье.

<...> Звонил Булат. Хочет, чтобы я дал ему текст стихотворения «Из больницы тетради». Буду, — говорит, — пропагандировать. Очень ему понравилось стихотворение. То самое, — говорит, — что оканчивается словами «дорогие мои»».



Строки из стихотворения Жигулина «Из больницы тетради»:

Ничего не могу и не значу.  
Словно хрустнуло что-то во мне.  
От судьбы получая в придачу  
Психбольницу —  
К моей Колыме.

Отчужденные, странные лица.  
Настроение — хоть удушись.  
Что поделать — такая больница  
И такая «веселая» жизнь...

«28-IX-80 г., воскресенье»

Был у Булата. Он переписал для себя мои стихи «Из больницы тетради». Показывал мне книгу своих песен, изданную, кажется, в США. Прекрасно издано. Большой формат, все тексты по-русски и по-английски, с нотами и многими фотографиями».

Речь идет о сборнике произведений Булата Окуджавы «65 песен» (Ann Arbor, Michigan: Ardis, т. 1, 1980. Музыкальная запись, редакция, составление В. Фрумкина). В 1986 году вышел второй том этого сборника.

Во время одной из встреч, узнав о том, что А. В. Жигулин собирается писать цикл стихов на историческую тему, Б. Ш. Окуджава предоставил ему подборку редких книг о гражданской войне в России и революции.

Листая дома эти книги, Жигулин пишет:

«25 сентября 1983 года, воскресенье»

<...> Здесь мемуары Родзянко, Милюкова, Керенского, Шульгина, Деникина, Краснова, всех не перечислить. Книжки эти чудовищно редкие. И, конечно, их можно почитать лишь в Ленинке или в Государственной исторической библиотеке в закрытых фондах».

«1 апреля 1984 года, воскресенье»

<...> Был у Булата. Он написал стихотворение-песенку, которую решил посвятить мне. Обе песни (он их мне спел) хороши. Но посвященная мне — великолепно. Смысл: кружится черный ворон. Кружит и кружит. И люди собирают ружья, заряжают ружья (надо ворона застрелить). И уже огромно количество заряженных ружей. (И ворон застрелен кем-то.) Но заряженных ружей так много, что люди начинают стрелять друг в друга».

Песенка «Ворон» Булата Окуджавы, посвященная Анатолию Жигулину, впоследствии вошла в альбом «Когда опустеет Париж» (1996).

Лихие 1990-е годы сблизили их еще больше: они искренне переживали за судьбу страны, создавали новый Союз российских писателей, помогали друг другу в трудную минуту.

«22 мая 1990 года, вторник»

Был у Булата. <...> Подарил мне две книги. Сдал свой партийный билет Леночке в партком. Она не поняла кому письмо, а потом радостно догадалась:

— А! Это партийный билет! Сейчас многие сдадут».

Как свидетельствуют дневниковые записи, тяжёлая болезнь и смерть Б. Ш. Окуджавы стали большим личным горем для А. В. Жигулина.

«12 июня 1997 года, четверг»

<...> Полночь, час ночи на 13-е. Печальная новость. Поздно вечером в четверг в военном госпитале в Париже умер Булат Окуджава... Царствие небесное тебе, Булат!.. К трагическому сообщению за целый день уже подготовило нас телевидение. По всем программам говорили, что Булат очень плох, что приехал он во Францию по частному приглашению, что решил устроить в Париже небольшой концерт для друзей, что у него уже была операция на сердце и др. подробности. Показывали кадры с ним и его портреты.

Господи! Сколько крупных талантов ушло от нас в последний год, в последнее время! Б. Можаяев, В. Соколов, В. Солоухин, Ю. Левитанский, И. Бродский... И вот Б. Окуджава. Смерть словно косою косит. Почти пусто вокруг!..»

В этих записях А. В. Жигулина содержатся не только горестные переживания о смерти друга, но и важные сведения о последнем этапе жизни и судьбы Б. Ш. Окуджавы, в частности о его крещении.

«13 июня 1997 года, пятница»

Спал пять с половиной часов. Мало. Наступает, гремит где-то гроза. Звонки о Булате — И. Ришиной, Л. Абаевой. Ришина сказала, что Булат перенес грипп. Впрочем, об этом говорили и по телевизору. Отек легких. Умер без сознания. Последние его слова были: «Как бы я хотел очутиться сейчас в московской больнице!» Его лечили в 23-й градской, как и меня, те же врачи. <...> Завтра его будут отпевать в Париже в православной церкви. Похороны на Ваганьковском кладбище 18-го.

Весь вечер читали с Ирой вслух стихи Булата из книги «Посвящается Вам!». Прекрасные стихи, которые опрокидывают расхожее утверждение, что у Булата Окуджавы есть только песенные тексты».

«14 июня 1997 года, суббота»

<...> В парижском православном храме Александра Невского отпели Булата Окуджава. А крещен ли он? Оля-то (Ольга Владимировна Окуджава — вторая жена писателя. — В. К.) крестилась. Это я знаю. В раннем детстве Булата крестить не могли — родители были ревностными партийцами. Может, отец Александр Мень его крестил?.. И какое православное имя дали ему при крещении? Богдан? Борис? Или грузинское Бидзин? Еще на «Б»: Боголен и Боян. Больше нет <имен> в святцах».

«18 июня 1997 года, среда»

<...> Днем и вечером слушали с Ирой пластинки Булата. <...> Замечательное поэтическое и музыкальное явление — Булат Окуджава. Мудрость, философичность. Пение и слова многих песен очаровывают. Я особенно люблю «Грузинскую песню», «Мы за ценой

не постоим”, “Чудесный вальс”, “Прощание с новогодней елкой”, “Песенку о Моцарте”, многие другие. Всех не перечислить. Да. Конечно, “По Смоленской дороге”, “Полночный троллейбус”. Это из самой первой маленькой пластинки. Талант, конечно, огромный. Что и говорить».

*«19 июня 1997 года, четверг.»*

Прощание с Булатом. Три красные розы (Ира купила). Дождь. Булата привезли к дому. <...> В “М<осковском> к<омсомольце>” на первой странице сказано, что: “В Париже перед смертью Булат Окуджава принял крещение. В Москву он вернулся Булатом — Иоанном”. Слава Богу!

А то ведь Булат всю свою жизнь был атеистом, хотя часто упоминал Бога в своих стихах и песнях. Господь в его творчестве был неким абстрактным литературно-эмоциональным понятием, поэтическим знаком, образом.

Надеюсь, что крестили Булата не в бессознательном состоянии».

*«23 июня 1997 года, понедельник.»*

<...> Слушали с Ирой Булата. Две пластинки. Это уникальное музыкально-поэтическое и личностное (голос, интонация) явление. Жаль Булата! Ему бы еще жить да жить. Когда он уезжал в Германию, он сказал мне, что едет лечиться, а на самом деле читал там лекции, деньги зарабатывал. И во Франции собирался выступать. И вот нету его. <...>

Вечером снова слушали с Ирой Булата: “Чудесный вальс”, “Он, наконец, вернулся в дом”, “Прощание с новогодней елкой”, “Молитва Франсуа Вийона”, “Песенка о Моцарте”, “О Володе Высоцком”, “Примета”. Господи! Какая это невозможная потеря! Но хорошо, что хоть голос его остался. Это словно душа Булата».

*«24 июня 1997 года, вторник.»*

<...> Опять слушал Булата и грустил о нем».

Одна из последних записей А. В. Жигулина о Б. Ш. Окуджава:

*«7 сентября 1998 года, понедельник.»*

<...> Ездили к Ирине Ришиной и Льву Шилову в Дом-музей Булата Окуджавы. Очень хорошо и интересно. Я подписал книгу так: “Дому-музею Булата Окуджавы — сердечно!

**ПОДРАЖАНИЕ БУЛАТУ**

*Музыкант в лесу под деревом*

*наигрывает вальс*

*И уже листы берез поблескивают ржаво.*

*Что касается меня, то я прослушиваю Вас!*

*Воронежский государственный университет  
Колобов В. В., доктор филологических наук, доцент  
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна  
E-mail: kolobov2015@yandex.ru*

*И не могу наслушаться я Вас,  
Маэстро Окуджава!..»*

В музее на полках — как бы уголки друзей. Есть и мой. В центре его полураскрытая книга “Черные камни 1996” с надписью, мой портрет с номером на груди работы Корзанова. По сторонам — ксероксы; стихи Булата “Ворон”, посвященные мне, и мое стихотворение “Черный ворон, белый снег”, посвященное Булату.

Есть одна очень интересная фотография: на сцене за столом (видимо, в ЦДЛ) четыре поэта: я, Булат, Глазков, Белла. Такой фотографии у меня нет. Видимо, середина 70-х годов. Я рассказывал о Булате (как познакомились в Ленинграде в ноябре 1963 года, как общались, живя в одном доме, и многое др.).

Пел песни Булата, а также “Колымскую песню” и “Даль и душа прояснились...” Беседовали о Булате. Все это снимал видеокамерой Лев Шилов. И Ришина сейчас, поздно вечером, позвонила и сказала, что уже видела запись, что получилось великолепно. Пили крепкий чай с пряниками».

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Первый. Творческие и личные отношения, которые связывали А. В. Жигулина и Б. Ш. Окуджава на протяжении более 30 лет, являются одной из ярких и чистых страниц истории отечественной литературы. В основе этих отношений были взаимное уважение, искренний интерес к творчеству друг друга, схожие взгляды на литературу и жизнь.

Второй. Оба писателя ярко и талантливо отразили в своих произведениях главные события в истории нашей страны: Великую Отечественную войну, развенчание культа личности Сталина, оттепель, перестройку, рождение новой России.

Третье. В своем творчестве во главу угла оба писателя ставили честное и правдивое отражение действительности, искренний и открытый диалог с читателем, уважение к мнению и позиции других.

Изучение писательского дневника А. В. Жигулина, в том числе его записи о творческих и личных отношениях с Б. Ш. Окуджавой, продолжается.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Жигулин А. В. Дневники и рабочие тетради (1954–2000) / Фонд А. В. Жигулина // Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина.

*Voronezh State University  
Kolobov V. V., Doctor of Philology, Associate Professor of the  
Public Relations, Advertising and Design Department  
E-mail: kolobov2015@yandex.ru*